

Государи Московские

МЛАДШИЙ СЫН
ВЕЛИКИЙ СТОЛ
БРЕМЯ ВЛАСТИ
СИМЕОН ГОРДЫЙ
ВЕТЕР ВРЕМЕНИ
ОТРЕЧЕНИЕ
СВЯТАЯ РУСЬ
ВОЛЯ И ВЛАСТЬ
ЮРИЙ

Дмитрий Балашов

ГОСУДАРИ
МОСКОВСКИЕ

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ
ОТРЕЧЕНИЕ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 20

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Балашов Д.

Б 20 Государи Московские. Ветер времени ; Отречение : романы / Дмитрий Балашов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 1152 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25225-7

«Государи Московские» — монументальный цикл романов, созданный писателем, филологом-русистом, фольклористом и историком Дмитрием Балашовым. Эта эпическая хроника, своего рода один грандиозный роман-эпопея, уместившийся в многотомное издание, охватывает период русской истории с 1263 до 1425 года и уже многие десятилетия не перестает поражать читателей глубиной, масштабностью, яркостью образов и мастерской стилизацией языка. Вместе романы цикла образуют своего рода летопись, в которой исторические события жизни крупных княжеств разворачиваются год за годом, где отражены быт и нравы различных социальных слоев, представлены судьбы, облик и характер сотен исторических деятелей.

Вихрь, разящий народы, вновь охватил растревоженный мир. Князь Симеон Гордый, умирая, вряд ли подозревал, сколь многому, что вчера еще было прочно, суждено обрушиться в грядущие годы... Пятый и шестой романы цикла «Государи Московские» — «Ветер времени» и «Отречение» — повествуют о завершении соперничества Московского и Тверского княжеств за главенство над русскими землями.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-25225-7

© Д. М. Балашов (наследники), 1987, 1989
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

Ветер!

Незримое течение воздушных струй. Незримое, несамовидное, как бы несуществующее, словно движение времени, внятное оку лишь по изменению тварных сущностей: разрушению древних храмов, одряхлению и смерти нынешней торжествующей молодости...

Так и ветер. Воззри! Незримо движение аэра, но — громоздятся тучи, проносясь рваными лохмами над головою, почти цепляя верхушки смятенно шумящих деревьев, волнуется море, ныряют в волнах утлые, со вздутыми ветрилами, отчаянные корабли — это ветер! Гнутя упруго набухающие почками ветви, прихотливым японским рисунком прочерчивая пухлую синеву небес, мощно гудят, посверкивая светлыми изнанками листьев, тяжелошумные кроны летних деревьев, жалобно и скорбно трепещут осенние мокрые осины, прореженные донага, в ржавых пятнах последней жухлой красоты своей, гнутся, никнут, уже нагие, почти лишенные цвета кусты, серосиреневые в морозном лиловом дыму, обтекаемые серебряными лентами зимних метелей, — все это ветер, только ветер! Один и тот же — и разный в разную пору свою. Как и время, как и те же самые (и такие иные!) катящие сквозь и вдаль волны годов: радостные и живительные юному произрастанию, тревожно-стремительные — молодости, требовательные — мужеству, горько-скорбные — старости и увяданию.

Дует ветер. Проходят века. Никнут и восстают народы. Меняется лик земли. И только гусиное (железное, тростниковое ли) перо летописца дерзает удержат на ветхих страницах харатий приметы текучего вихря, исчезающего в небытии. Трудись, летописец! Ветер времени листает страницы судьбы.

ПРОЛОГ

Вихрь, погубляющий царства, разящий народы, охватывает вновь растревоженный мир. Вихрь зачинается на далеких окраинах вчера еще грозной Монгольской империи, сотрясает древнюю Византию, заливая ратной грозой страны Запада. И только в центре этого вихря, в середине беды, там, куда сходят незримые нити желаний и воли, на Руси Владимирской, стоит обманчивая, недобрая тишина.

Князь Семен, умирая, вряд ли подозревал, сколь многое обрушит окрест в ближайшие годы. В лето 1352-е, когда он еще боролся со смертью, поднялось восстание в Южном Китае, столетие назад завоеванном конницею Хубилая, и разбитые монголы отступали на север страны. Так, с краю, треща и заворачиваясь, открывая дорогу огню, загорается положенная на костер и почти задавившая пламя конская шкура. Раздуваемые упорным ветром жаркие, беспокойно-яростные языки, взметываясь и сникая, настойчиво лижут дымные края, обращая в рдяный пепел тугую жесткость недавнего бремени своего.

А вот уже и другой край начинает сворачивать неодолимою огненной силой: распадается государство Хулагуидов в Персии, где после смерти ильхана Абу-Саида настало крушение всякого права, кроме права силы, чего выдержать не мог уже никто, и уже оттуда в Золотую Орду, к хану Джанибеку, спустя лишь год после Семеновой смерти, с мольбами о помощи, просьбами вмешаться и навести порядок в стране прибегают ограбленные Ашрафом граждане во главе с духовным судьей — кади. Прибегают, поскольку хрупкая тишина, обманчивый мир еще стоит, еще зиждит здесь, на Волге, и пока еще не видит никто, что подточенная тем же размывом Золотая Орда тоже грозит рухнуть в беснующийся провал кровавой резни и смут.

А тогда — затихнут томительные колокольцы на караванных тропах великого шелкового пути, ведущего из глубин Китая через Турфан и Хорезм в Персию, а через ордынские степи и Кафу в Кон-

стантинополь и страны Запада. Опустеют базары, лишатся привычного труда руки неумолимых мастеров; крестьянина, оторвав от кетменя или сохи, погонят ратником в поле, и пойдет волною: только топот кованых копыт, да сабельный блеск, да пожары, да слезы полоняников на дорогах, да плач сирот по разоренным погостам...

А тогда на ниче ся обратят долгие созидательные усилия покойных князей: Ивана Калиты и Семена, скрепивших до времени ордынской волею благополучие владимирского великого стола, и Руси вновь придет решать: с кем она? Как устоять, уцелеть в сей гибельной круговерти?

Ибо уже стремятся литовские кони в ржании и лязге сабель в Подолию, к греческому морю. Князя Гедиминова дома, отбрасывая раз за разом татарские рати, захватывают, забирают под себя древнюю великую Киевскую Русь — город за городом, волость за волостью (а латинские попы меж тем деятельно хлопочут об обращении в католичество литовских язычников и вкуче завоеванных ими русичей!). И уже яснее, что недалек день, отодвигаемый доднесь твердой рукою Семена Гордого, когда и с этой стороны тишину взорвет ярость ратной грозы и хлынут литовские всадники на земли Московии.

Вихрь кружит по миру, захватывая края. И ежели поглядеть теперь на юго-запад, то и там не узришь добра, ибо турки-османы, проглотившие за полстолетия последние малоазийские владения Ромейской империи, словно бы даже едва дождавшись гибели великого князя владимирского, что поддерживал русским серебром далекого Кантакузина, в том же 1353 году тигриным прыжком перемахивают проливы, начавши отсюда свой, гибельный для Балканских государств, растянувшийся на столетия поход. И этой беды никто не видит, не зрит, не постигает умом, ибо и Сербия и Болгария тратят силы в тщетной борьбе с умирающей Византией, не ведая о нависшей над ними грозе, не чуя близкой трагедии Косова поля!

Но и владимирской земле беда сия горше всякой иной, ибо с падением Царьграда духовное одиночество зримо обступает православную Русь, зажатую меж католическим и мусульманским мирами. И не разделит ли она со временем судьбы Фракии, Болгарии, Сербии, Морей, Армении, Имеретии и прочих стран Византийской ойкумены, разоренных, поруганных, на века утеревших государственную независимость свою?

Вихрь сотрясает мир, сталкивая Польшу и Венгрию с Литвой в борьбе за древний Галич; вихрь уже обрушил Францию, первое государство западного мира, утратившее в битве при Креси (1346 г.)

честь своей армии, а вскоре, в сражении при Пуатье (1356 г.), где под стрелами английских йоменов побежит в панике огромное рыцарское войско и сам король Иоанн Добрый попадет в плен к англичанам, — даже и независимость свою. А там уже наступит такое, с чем не в силах будут совладать ни король, ни папа, засевший в Авиньоне, ни англичане, ни ополчения вольных городов, и уже не за горами Жакерия, разбойничьи походы вдоль и поперек Франции и резня, резня, при которой любые усилия власти, любые заботы о грядущей судьбе государств — та же помощь обреченному Константинополю — станут дымом, химерою, несбыточной мечтою политиков и папских прелатов.

Вихрь рушит с трудами созданный и казавшийся еще недавно прочным мир, и только здесь, на Руси Владимирской, еще стоит, еще хранит себя неверная, грозно означенная беспокойно вздыбленными (все ближе и ближе!) окраинами тишина.

I

НА МОСКВЕ

Весной по Москве собирали вытаивавшие из сугробов трупы. Черные, полуразложившиеся тела, застывшие в корчах, в которые бросала их зимою под вой метели черная смерть, были страшны. Откуда прибрел, харкая кровью, тот или иной селянин, нынче было никому не ведомо. Мертвецов хоронили безымянными, в общих скудельницах. Всех вместе и отпевали. Над Москвою, над Кремником тек непрерывный погребальный звон.

С оттепелью мор усилил вновь. Люди падали в церквах во время службы. И как-то уже притупело у всех. Не было того, летошнего, темного ужаса. Не разбегались, не шарахали посторонь. Отворачивая лица, подымали, выносили усопших. Каждый знал, ведал: завтра возможен приспеть и его час. И все-таки, когда летом в обезлюженной, пустынной Москве пронесся слух, что занемог старый тысяцкий Василий Протасьич, злая весть всколыхнула весь посад. Город, упрямо державшийся, невзирая ни на что до сих пор, разом осиротел. Тьмочисленные толпы, небрегая заразой, потекли в Кремник, к высокому терему Вельяминовых.

Жара. Пыль в улицах стоит неподвижными дымными столбами. Отсеялись, надо косить. Никита вышел за ворота, постоял, сплевывая. Не парень, мужик уже! Нераспробованная вдосталь Надюха напомнилась до беды. Все стеснялась еще, как девка... В одночасье свернуло черною смертью, пока ездил в Красное... И ладно, что не зрел мертвую! Досыти нагляделся их, почернелых... И все блазнит, словно выйдет из-за угла с обведенными тенью ждущими, сияющими глазами и, теряя дыхание, безвольно роняя косы, растает в его руках...

По улице от Неглинной несли гроб — а не думалось. Горячий весенний дух бродил в крови. Колокола звонят и звонят: вымирает Москва! А бабы — как шальные. Мор пройдет, дак нарожают того боле!

Матка, исхудалая, присмирившая в выморенном доме, выкатила за порог.

— Никиша! Пойдешь ли снидать? — нерешительно позвала.

«Сдохла бы, что ли, заместо Любавы! Пятерых в землю проводила, а сама жива, пади́на!» — зло подумал о матери, переведя плечью. Род! Ихний, михалкинский, федоровский род гибнет! В вечной грязи по уши, пото и не уберегла! Она от грязи, бают, того пуще находит, черная смерть. Може, и от иного чего? Тоже сколь их перетаскали, мертвяков, с Василь Протасьичем! Сколь и своих схоронили, дружины! А ему вон о сю пору как с гуся вода! И не страшно чегой-то! Верно, на роду не писана она, черная смерть. «Чур меня, чур!» — одернул себя Никита. — С выхвалы, гляди, и сам закашляешь кровью...»

В уличной пыли показался всадник. На подъезде Никита по рожке узнал своего. Отмотнув головою матери: «Недосуг, годи!» — шагнул встречу.

— Протасьич слег! — выдохнул парень.

— Черная?!

— Она... — потерянно отозвался молодой.

Никита молча повернул во двор, через плечо бросив:

— Пожди! Перемет поправь, раззява!

Молча вывел коня. Наложил потник, вскинул седло. Уже когда затягивал подпругу, мать выбежала с блюдом пирогов. Шало глянул, едва не ругнув, но, подумав мгновеньем, сунул за пазуху полпилога: невесть, нынче и накормят ли!

Точно мокрядью за шиворот протекло крутою тревогой: ныне — не при Семен Иваныче — как-то станет ихнее (не отделяя уже себя от Протасьева дома) бытъе? Сурово подумалось о боярине Алексее Петровиче Хвосте — отмел, и, уже вваливши в седло, подумал вновь. Тыщи народу погибло на Москве, и все одно: смерть старого тысяцкого опахнула грозую. После князевой, раскинув умом, подумал и понял про себя Никита, самая тяжкая будет утрата на Москве!

Проскакав в Кремник с каплей сумасшедшей надежды, Никита еще на подъезде узрел и постиг сущее: бестолочь в доме, толпы у терема, растрепанная прислуга, кмети, сбившиеся в кучу... «Стожно овцы!» — Никита ругнул о себе.

Необычно потерянный, с жестким беспомощным ликом, Василь Василич (словно величие отца ушло и осталось одно только тем-

ное) шатнулся встречу ему в сених. Рослые сыновья бестолково путались у него под ногами.

— Ты што? — слепо вперился боярин в Никиту, не вдруг узнал. Вглядысь, пробормотал: — Поди, тамо... — Не кончив, махнул рукой.

Выбежала простоволосая жонка, девка ли — без повойника, дак и не поймешь. Охнула, увидя мужиков, побежала прочь...

Толпа своих ближников — понял по богатому платью, по сдержанной молви и неложному ропоту горя — наполняла просторную повалушу. Никита, пройдя через и сквозь, подступил к ложу. Умирающий глянул тускло — прошли, видать, сотни, и уже неузнаваемые, — но присмотрелся, понял:

— А, Никита! Помираю, Никиша, — шепотом, словно в палате были они одни. — Не боялся ее, черной, ан настигла... Москвы, Москвы постеречь подмоги, сыну-то...

— Василь Василичу? — прямо уточнил Никита и опустил на колени, припал лбом к откинутой бессильной руке. У самого захолонуло: «А ну как зацепит напоследях?» Но и удаль: перед великими боярынями, перед толпою знати не показать опасу, не уронить чести своей. Встал, невеселой усмешкой отверг одобрителные глаза жонки. (Воину на рати б умирать, а не так!) — А потаскали, — сказал (вслух, чтоб и иным мочно было услышать), — мы с тобою мертвяков на Москве!

И Василь Протасьич бледной тенью улыбки ответил ему и отозвался словом:

— Потаскали, Никиша! Вот и меня теперь... Пережил князя свово... — Помолчал, пожевал губами, спросил себя: — Владыка едет ли?

Никита перемолчал, да и понял по движению за спиной, что время ему уже отступить посторонь: набольшие тут!

Ясные глаза и точеный обвод лица кинулись в очи. Кто такая? Словно и не зрел — из ближних, видать, а незнакома!

Поглядела скользом, лишь глянула, а одобрение удали своей прочел в мимолетном взоре и круче повел плечми, отступя, еще раз оглядел ее, уже отвернувшуюся: невысока, стройна... Почти в монашеской сряде — кабы заместо убруса на голове куколь... Кто ж такая-то?! Словно всех жонки вельяминовских знал наперечет! Гостья? А держит себя — словно своя!

Недодумал, позвали. Раздвинув плечом молчаливую толпу, шагнул в обширные сени. Звал Василь Василич. И совсем стороннею мыслью прошло: вот бы обнять такую... Поди, и уста не те, и иное

прочее не под нашу статью! Поглядеть и то — в кутерьме этой только и довелось!

Василь Василич стоял, облизывая пересыхающие губы: гневен!

— Слушай, Никит Федорыч! Батько не помер ищю, а там ужю в одночасье у княжого двора хвостовские наших теснят! Поглянь! (Вот оно, наступило! Торопитце Алексей Петрович Хвост, ой, торопитце!)

Никита кивнул, зыркнув глазом за точеные перила, туда, где грудились потерявшие строй, растерянные кмети:

— Ентих разрешишь взять?

— Бери! — подумав миг, сумрачно разрешил Василь Василич. И Никита кожей учуял мгновенную растерянность Вельяминова: тысяцким во след отцу должен его ставить новый князь... «Ну да ведь Протасьич ищю не померши!» — подогнал себя Никита, хоть и знал, как и те, хвостовские, что от «черной» спасения нет.

Уже к ночи (до зуботычин дошло-таки, и до хватанья за копыя, и до брани поносной, но хошь без мертвого тела обошлось), когда очистили двор и наряды свежей сторожи вельяминовской прочно стали у княжого терема, погребов и ворот Кремника, Никите, что был на спуске за Фроловскими воротами, подомчавший вершник донес, что Василий Протасьевич совсем плох и уже при конце. По перепалому лицу догадав остальное, Никита пал на коня и, с бранью расталкивая дуроломную толпу, подскакал к Протасьеву терему, остолпленному плачущим и ропщущим народом. Уже у крыльца понявши, что Василий Протасьич ежели не умер, то вот-вот помрет, решительно распорядив сторожею, врезав плюху растерянному ратному, полез на крыльцо. Жалкие жоночьи голоса сверху из горницы и вопли дворовой чади не дали обмануть себя. Подосадовав на Василь Василича — опоздал-таки! — он в полутьме переходов лез, пихал кого-то и уже при дверях, на последних ступенях, заторопясь, почти в объятия ухватил, так что ощутил тепло живого тела и тонкий аромат аравитских благовоний, встречную жонку боярскую. Еще полный тем, дворовым задором, решительно повернул к себе и обмер: то опять была она! Рыдающая, в сбившемся убрусе и очелье. Боясь оскорбить (а кровь жарко, толчками ходила в груди), под локти проводил, почти занес в какую-то малую припутную клеть, верно девичью горницу, в темноте опустил на какую-то подвернувшуюся лавку. И пока она, с плачем роняя полуслова, полувсхлипы: «Не могу, не могу!» — и что-то неразборчиво о себе, о своем давнем горе, Никита, страшась укромной темноты и себя самого, нашаривал

и нашарил наконец свечу, запалив огарок от лампадного, чуть видного пламени.

Тут только из сбивчивых полуслов и рыданий догадал, откуда взялась она такая и почему не зрел ее допрежь в терему Протасьевом. Вызнавая, лихорадочно прикидывал: кем же она Василь Василичу доводитце? А в голове пожаром, войною билось одно: «Упустишь, потеряешь!»

Была она Вельяминовым свойкой по женской родне. Тестю Василь Василича, кажись, племянница. И молодая вдова. Мужик ее, городской воевода, погиб черною смертью, и теперь, по сиротству, принял ее Василий Протасьич в дом и был ей «заместо отца». От вызнанного голову закружило мечтой и страхом. И встрепанный, еще ничего толком не решивший, но уже тем обнадеженный, что предложил свои услуги и они не были отторгнуты враз («Впрочем, перед смертью все равны, — одернул себя Никита, — что потом скажет?»), только одно знал, понимал он, что тут ни удали, ни ухваток тех, что с посадскими девками, не можно допустить, не то враз отставят и забудут, что и на свете-то был!

Как-то внезапно в покой вступил Василий Василич. Никита, не теряясь, словно ему тут и должно было находиться, прихмуря чело, скороговоркой поведал про службу. И лишь по растерянному, недоуменному взору Василь Василича понял, что тому сейчас не до того вовсе, что смерть родителя совсем повергла его в прах, и теперь он с трудом понимает, зачем зашел и сюда-то. (Ишь, даже не удивил тому, что Никита здесь, при свойке евонной!) И все же надо было уходить. Бросив через плечо: «Пойду кликну кого из жонок!» — Никита вышел.

Наверх, к телу тысяцкого, было, почитай, и не пробиться уже. Он обогнул по верхним сеням красные покои и по смотровой вышке, черною лестницею, взошел в повалушу, опять попав в толпу боярынь и боярышень. На него лишь взглядывали, узнавая своего, и сторонились, пропуская. В час беды каждый мужик — защитник и на виду у всех, а жонки, даже и великие, умалились перед бедою, схожею с ратным раззором.

Василья Протасьича уже обрядили в смертное, и уже попы стройно пели над телом. Прислуга зажигала лампы. Во всем тереме белыми льняными покровами завешивали дорогое узорчье, гася блеск серебра и тяжелое мерцание золота, готовили палату и ложе смерти к прилюдному прощанию с городом. И Никита, вновь решительно взявши на себя в сей день обязанности старшего, вышел

в летний сумрак, под звезды, проверять сторожу, распорядил накормить сменных: на поварне пришлось растерянного повара тряхнуть за шиворот, а ключнице поднести твердый кулак к носу — только тогда оба восчувствовали и захлопотали по-годному.

Усадив наконец кметей за стол с дымящимся варевом, Никита, сухомятью сжевавший кусок материна пирога и уже досадуя, что наибольшего над дружиною, Гаврилы Нежатича, все нет и нет, вновь поднялся наверх, в терем, туда, где под стройное пение в ладанном тумане и мерцании свечей бесконечная вереница горожан прощалась с телом великого тысяцкого Москвы.

Ее он увидел еще раз под утро, но, помыслив умом, решил не подходить, лишь, значительно насупивши очи, кивнул ей со стороны, напоминаясь, но не навязывая себя. И сколь ни устал, проведя на ногах и в заботах почти сутки, а вновь колыхнуло в нем смутую плоти: то, как держал ее, теплую, трепещущую, в руках на крутой лестнице... Держал и даже поцеловать бы мог, растерянную, дуром, украдом... И про себя тут же усмехнул. Даже отай не мог, не решился сказать: «Моя будет!» Другое сказалось в уме про самого-то себя: «Залетела ворона в высокие хоромы!» И далеким-далеким прошло напоминание о княжне, полюбившей некогда егового, уже сказочного, уже небылого деда Федора. (А серьги те все лежат в скрыне. Не будь их, позабыл бы давно-тово!) И обида, давешняя, детская, от отцовской остуды — мол, не по себе дерева не ломи; и отчаянная удадь молодости... С той поры поумнела головушка, сам стал понимать, что к чему! Эх! Прав отец! Разве что не забудет до завтра, и то добро! Да и как с нею, с такою? О чем? И отмахнул головой... В нос плыло ладанное тяжелое облако, трещали и колебались, задыхаясь в спертом воздухе переполненного покоя, свечи. Василий Протасьич лежал уже костистый, темный, чужой. А люди шли и шли, и кто-то плакал негромко, всхлипывая. И оглушенный, поверженный водопадом чужого горя, Никита только тут, вновь и опять, почуял ту давнюю угрозу, что ощутил вчера утром, когда перепавший парень донес ему злую весть.

«Со святыми упокой, Христе, душу раба твоего...» — пел хор.

Новое шевеление и сдержанная мольвь прошелестели по толпе. В терем вступила Александра Вельяминова, супруга Иван Иванныча, вот-вот великая княгиня московская и владимирская тож — ежели Ивана утвердят в Орде. Шла властно и слепо, откинув бухарский плат на плечи, и перед ней расступались, шарахали посторопнь. Шла, с глазами, полными невылитых слез; посвечивали розовые

жемчуга дорогой кики. И Никита, усмотревши приход княгини, бросился расчищать дорогу.

На всходе давешняя знакомка кинулась к Вельяминовой, ойкнув: «Шура!» — и Александра, готовно всхлипнув, упала в открытые объятия, и так, полуобнявши друг друга, две жонки вступили в столовую палату, где лежал труп великого тысяцкого, отца Александры. От гроба отступили. Даже священник отодвинулся посторонь, открыв ей почернелое, зловеще-неживое трупное лицо, из коего с пугающею быстротою уходили, ушли уже последние искры тепла, того, что в обычном покойнике живет еще под ледяною маскою смерти три дня, в которые он лежит, непогребенный, а родители — живые, пока еще не перешедшие великий, уравнивающий царя и последнего нищего рубеж, — прощаются с ним. И кто не видал порою, как при звуке голоса любимого ближника, примчавшего на последний погляд, незримо смягчает в эти три последние дня строгий лик смерти? Но тут, под черною бедою, этого не было. Было тягостное и страшное разложение плоти, и только. И Александра не выдержала, завывала в голос, припав на коленах к ложу отца, и, мотая головою, сцепив зубы, старалась остановить рвущиеся рыдания, замерла было, скрепясь, но тут резкою ознобой подступил к уму и сердцу пугающий, без заступы отцовою, новый нынешний огляд жизни — словно подняли ее ввысь и вот-вот уронят или бросят в ничто, — и молодая княгиня, неожиданно поставленная перед престолом власти, сама робея теперь неведомой судьбою Ивана и себя самое, вновь падала, приныкая к спасительному ложу, трясясь всем телом, и, стискивая руки, прорывами рыдала, вздрагивая, не в силах унять себя, и вновь крепилась, и вновь начинала реветь навзрыд. А большой терем застыл, застыла стесненная толпа, переживая горе княгини и дочери. И Никита за дверьми палаты, хмурия чело, взглядывал то в мерцающее свечами, искрами золота и серебра от божницы и драгих облачений нутро покоя, то в настороженную, полную людей тьму сеней, куда долетали сдержанные рыдания княгини над гробом покойного родителя. И вспоминая, как давешняя знакомка (двоюродная сестра жены Василь Василича, овдовевшая во время мора, как успел выяснить он вновь у прислуги) утешала Александру (как-никак теперь, ежели в Орде все пойдет ладным побытом, великую княгиню), он уже не понимал даже, как же это осмеливался держать в объятиях и даже подумать о большем с нею? И вспоминая жестокий взгляд гневного Василь Василича (будущего великого тысяцкого Москвы), его вырезные ноздри, Никита, при всей бесшабашной удали своей, начинал робеть: Василь Василич может

и за саблю — недолго у ево! Да ведь и невесть... и не было ничего! В едакой кутерьме... Ну, поддержал бабу... И понимал, нутром понимал, что нет, не все, не прошло, и сам не дозволит, чтобы так прошло, и будет спорить... С судьбою? С самим тысяцким?! И здесь вот становилось страшно — до жаркого поту, до мурашек по спине. Но где-то прорывами, как в тяжком поспешном ходе дождевых туч высверкивает голубизна неба, блазило, что его теперь связало с семьей Вельяминовых иное, нерасторжимое ничем, кроме смерти, и тогда пьяное счастье — точно на бою, в сшибке, как давеча, когда выбивали хвостовских со княжого двора, — подкатывало к горлу задавленным дуrolомным хохотом... Ништо!

Он дождался выхода великой княгини (про себя уже так величал Александру, чуялось почему-то, что усидит Иваныч на владимирском столе), и еще раз показался «ей», и поймал взгляд, не слепой, а благодарный, мимолетный... Но вот Вельяминова с подругой ушли, и как померкло, как надвинулась вновь непогодь. С жарким сдержанным дыханием новые и новые шли бесконечною чередою, поднимаясь по высокой лестнице встречу Никите, а на улице, на дворе уже засинело, и кровли и верха костров городской стены уже начали зримо отдалять от просвеченного синью легчающего неба — близил рассвет. И сторожевой у крыльца, зябко переведя плечами, с надеждою и страхом заглянул в лицо Никите, спросив молча: что-то будет теперь? И хмурый Никита, отмотнув головою, ничего не отмолил кметю. Сам не ведал, удержит ли Василь Василич власть и что будет с ними тогда. И уже бессонная ночь тяжело налегла на плечи, когда узрел в прогале улицы заляпанного грязью гонца, в проблесках утра до синевы бледного. Из Орды? Нет, пожалуй!

Никита рванул впереимы. Гонец, подымая плеть, умученно-повелительно возгласил:

— К Василь Протасьичу!

— Помер! — кратко ответил Никита, осенив себя крестным знамением. У мужика глаза полезли из орбит, стала отваливать челюсть.

— Ты что, откуда? — решительно взял на себя Никита боярскую трудноту. — Я старшой, Федоров Никита, знашь, поди?

— Да... Василь Василича...

— Счас побегу! Позырь, раззява! Говори, ну!

— Лопасня...

— Чево?!

— Лопасня, рязане... Олег захватил изгоном Лопасню и наших...

— Ты! — Никита вздынул кулаки, оглянул по сторонам. — Молчи, тише! — прошипел, стаскивая с коня. — Грамота где?! — Вспомнив, что воеводою в Лопасне сидел тесть Василь Василича, деловито, негромко уточнил: — От Михайлы Лексаныча грамота?

Гонец помотал головою потерянно, возразил:

— Без грамоты я... Михайло Ляксаныч...

— Ну?!

— Захвачен рязанами...

Никита затейливо и длинно выругался неведомо в чей огород: то ли раззяв-воевод, сдавших Лопасню Олегу, то ли самого боярина Михаила Александровича, то ли князя Олега, — и только тут домекнув, встрепанно воззрился на измотанного гонца. Михайло Лексаныч, тесть Василья Василича, в плену у рязанцев! Стало, теперь Хвосту радость горняя, а Вельяминовым остуда от нового князя, а... она? Ей-то Михал Алексаныч дядя родной, она ж двоюродна... Додумывал, лихорадочно соображая: «Дак тут такое начнется!» И — жаром овеяло, и уже знал, что делать теперь.

Протиснулся назад, в терем, волоча за собою гонца. Опять туда, к ложу смерти, к церковному пению, но уже — живой и о жизни. Пихнув гонца: «Пожди!» — решительно вступил в жоночий покой:

— Госпожа! Выдь на час малый!

Тень улыбки осветила дорогое лицо. Выписная бровь поднята удивленно. С чем другим, с малою заботою какою — дак уже взором этим отодвинула бы посторонь. Но покорилась и вышла и царственно повела шеей, заметив смятенного гонца в сенях. И вот тут, в придверье покоя, склонив голову, но очей не отводя, тихо и твердо повестил:

— Мужайся, госпожа! Дядя твой, Михайло Олексаныч... — И смолк, безотрывно глядячи в недоуменное, чуть надменное лицо. И когда уже ощутила тревогу, домолвил: — Рязане на Лопасню напали!

Охнула, глаза, как подпрыгнув, отворились широко, приоткрылся рот... (Дядя был заступою и обороной сызмлада.)

— Убит?

— Нет, жив. В полон увели! — скороговоркой успокоил Никита и крепко взял за плечи на мгновение (не сумел иначе), повторив: — Мужайся!

Сурово примолвил:

— У Василь Василича слуги верные, от ево не отступим, не боись!

Василь Василич будто ждал — почти влетел в покой. Закипели гневом глаза, увидя кметя в неподобающем месте. Никита с суровой

усмешкой (еще держа за руку и намеренно не разжав ладони) кивнул головой на гонца в углу горницы:

— Беда, боярин! С Лопасни парень подомчал! Рязане, Олег!

— Чево?.. — Василь Василич водил глазами, еще не понимая, трудно перенося мысль с мелкого, бабьего, о чем подумал давеча, узнав от сенной девки-наушницы, что Никита вызывал вдову, тещеву ближню, на погляд, к тому, крупному, что неожиданно свалилось на них, и не додумывая, не обнимая умом еще всей беды, видя токмо, что старшой неподобно держит боярыню за руку. А Никита, крепче сжав длань (оробевшая, она пыталась тихонько вытащить узкую ладонь из его хватких пальцев), повторял настойчиво и строго, поигрывая бровями:

— Лопасня взята рязанами, слышь, Василь Василич, и тещь твой, Михал Олексаныч, в полон угодил! — И потому, что узрел: все еще не понимает Василь Василич совершившегося, добавил почти грубо: — Нам беда, хвостовским радость!

Тут только Василь Василич понял наконец. Вцепился в гонца, встряхнул, будто тот был виноват в нятьи тещя:

— Сказывай!

И Никита тут только, пожав напоследи пальцы, отпустил ее руку и вполшепота, скороговоркой:

— В горе ли, в радости, кликни только, прикажи — умру, не вздохну!

И новый ее взор, уже тревожный, недоуменный, но не давешний, поймал, прежде чем она, закусив губы, исчезла из покоя.

Никита, раздувая ноздри и подрагивая бровью, пождал неколико, пока Василий Василич, утишая сердце, тряс и выспрашивал гонца, потом, переняв измученного дорогой и страхом кметя, легонько торнул в затылок:

— На поварню ступай, накормят, да не трепли языком, тово!

И, выпроводивши, поворотил решительно к Вельяминову. Василь Василич был страшен. Вот от такого от него шарахали кони и кмети прикрывали глаза от ужаса. Но Никита сейчас играл по крупной, едва ли не голову ставил на кон, и не боялся боярина совсем. Ткнувши в сумасшедший, побелевший взгляд, дабы враз, как останавливают взыгравшего жеребца, укротить боярина, выдохнул:

— Тысяцкое замогут отобрать! — И глянул строго. И Василий Василич затрепетал, истаивая гневом и ужасом, ибо понял, что Никита бает правду. — Скажут, в сговоре были с Олегом!

— Молчи! — вскинулся было Василь Василич, но Никита лишь повел головою:

— Наталье Никитишне даве баял и тебе скажу: вернее меня не-ту у тя слуг, боярин! Думай, думать много надо теперь! Велишь — поскачу в Рязань. Чаю, за выкуп — отдадут. А уж серебра считать не придет нам! И Лопасню мочно ли будет забрать у их — невесть! Олег, люди бают, хоть и млад, суров зело!

— Заберем, — просипел Василь Василич, коего лик пошел бу-рыми пятнами. («Не хватил бы удар боярина! — всерьез подумал Никита. — Уж сорвал бы гнев на чем, што ль!»)

Василь Василич беззвучно жевал ртом, сумасшедше глядя на Никиту, слова удушьем застряли в гортле, наконец изо всех сил дви-нул кулаком по тесовой стене покоя, и еще двинул, и еще... Кровь показалаась на кулаке.

«Добро, боярин! — сказал про себя Никита, следя, как Василь Василич осаживает сам себя. — Добро! Учись! И на тебя будет на-больший! Учись и себя держать в узде, а не то не быть тебе тысяц-ким!» И думал, и усмехался, и любовал боярином. По тому само-му, верно, что и он в гневе мог так вот трясти кого за грудки, любил и понимал Василь Василича. Свой был боярин, хоть и мог в гневе насмерть зарубить, все мог, а все одно был свой, ближний, понят-ный Никите.

Наконец Василь Василич почувал боль в пальцах и поднял на своего младшего обрезанный, мигом просквозивший беззащитно-стью взор. Хрипло, все еще не справясь с голосом, спросил:

— В Рязань, говоришь? Да и серебра не собрано, и князь...

— До князя надобно! — подсказал Никита, понявши, что давеш-нее, со свестью боярской, то, с чем Василь Василич вбежал было в покой, уже прочно ушло из сознания боярина, заменись суровою днешной бедой.

— Гонца... — начал было Василь Василич, но Никита махнул рукою:

— Все одно к пабедью вся Москва будет знать, уже и сейчас, по-ди, языки чешут... — И с легкой усмешкою досказал: — Гонца пере-нять мочно, а Лопасню куда денем?

И Василий Василич, укрощенный, повесил голову. Слишком многое свалилось на него враз со смертью родителя.

Скрипнула дверь, в покой протиснулись, чуя беду, братья Ва-силь Василича — Федор Воронеж с Тимофеем, а чуть позже про-сунулся боком и младший, Юрий Грунка, за коим вслед, никем не званные, пробрались старшие дети Василь Василича, рослый Иван и Микула, который держался за руку брата. Видимо, Наталья Ни-китишна уже повестила домашних о свалившейся на них беде. Все

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ БАЛАШОВ

ГОСУДАРИ МОСКОВСКИЕ

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

ОТРЕЧЕНИЕ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры Валерий Камендо, Юлия Теплова,

Ольга Попова, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.03.2024.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 70,56. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-34215-01-R